

ДЕТИ ВЗРОСЛЫМ НЕ ИГРУШКИ

ЕКАТЕРИНА
МУРАШОВА

«Самокат» для родителей

Екатерина Мурашова

Дети взрослым не игрушки

«Самокат»

2018

Мурашова Е. В.

Дети взрослым не игрушки / Е. В. Мурашова — «Самокат»,
2018 — («Самокат» для родителей)

ISBN 978-5-91759-739-3

Как вырастить у себя личность? Нужны ли родителям роботоподобные дети? Стоит ли запретить Деда Мороза? Можно ли жить для кого-то? И что делать с подростком, если кончились воспитательные методики, а ситуация окончательно зашла в тупик? Эти и другие, еще более невероятные вопросы задают Екатерине Мурашовой, известному петербургскому психологу, каждый день бабушки, дедушки, мамы, папы и сами дети – на приеме в поликлинике, в блоге на портале «Сноб», на публичных лекциях, по почте... И вместе с детьми, взрослыми и читателями Екатерина Мурашова ищет решения в самых, казалось бы, распространенных – и в самых необычных – жизненных ситуациях.

ISBN 978-5-91759-739-3

© Мурашова Е. В., 2018

© Самокат, 2018

Содержание

Я для тебя	6
Настоящая мать	9
Уйти нельзя остаться	12
Что со мной не так?	15
Тарелка с эмоциями	18
Разговор о смерти	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Екатерина Мурашова

Дети взрослым не игрушки

© Мурашова Е., 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом “Самокат”», 2018

* * *

Я для тебя

Хуже просто ничего быть не может.

Никто, ни один человек не может быть, не должен становиться целью и смыслом для какого-то другого человека. Это глупо и бесперспективно. Это, в конце концов, безнравственно по отношению к тому, кого выбрали «целью и смыслом». Слишком тяжелая ноша. Слишком большая и никому не нужная ответственность. Слишком высоки ставки. Слишком велика вероятность горького и страшного вопрошания потом, когда-нибудь, однажды или годами: что ж так? Я для тебя то-то и то-то, а ты...

Все вышесказанное встречается в жизни взрослых людей или людей на пороге биологической и психологической взрослости. «Дорогая, я так тебя люблю, все, что у меня есть, вся моя жизнь – только для тебя!»; «Милый, я живу только для тебя, я готова все сделать, от всего отказаться, только бы тебе было хорошо!»

Обычное дело, транзитное гормональное затмение, издавна называется влюбленностью (не любовью! Любовь – это СОВСЕМ другое), имеет четкие биологические сроки и функции, по истекании и выполнении их тихо и закономерно отмирает. И ни у кого это отмирание не вызывает никакого особого удивления: ну разумеется, так и должно быть, нельзя же постоянно жить в состоянии такой глупой и малофункциональной экзальтации...

Если оно вдруг задерживается – начинает все вокруг (включая, конечно, отношения и их развитие) портить и тормозить. Становится невыносимо тягостным для всех участников. Если кто-то из читателей ориентирован на художественную литературу, рекомендую: «Таня» Арбузова – вышесказанному прекрасный литературный пример.

А если речь идет не о взрослых людях? Если эта колоссальная ответственность («я для тебя») возлагается на маленького ребенка, который, в отличие от взрослых героев, и понятие происходящее не сумеет, и возразить ничего не сможет, и сопротивляться до поры до времени не в состоянии?

Тогда – ой.

* * *

Невротические проявления – еще не самое страшное, но самое, пожалуй, распространенное. Ко мне с этим то и дело приходят. Ребенок устает быть «целью и смыслом», и его нервная система просто не справляется с нагрузкой.

Единственное, что по-настоящему нужно ребенку, – это адаптированная в нашем мире мать (или оба родителя), твердо уверенная в том, что мир, несмотря на все его заморочки, стратегически – отличное, интересное предприятие, в котором есть место для нее и, несомненно, найдется место ее детям. Все остальное – вариативно. Даже вроде бы хрестоматийная притча про «материнскую любовь» – тоже вариативна. Вы знаете, что у каждой пятой женщины эта самая биологическая программа «материнской любви» попросту не включается? Ни вначале, ни потом, никогда? Не знаете? (Об этом и вправду не любят писать и говорить.) Но это так. Про отцов даже и статистики не существует, мне кажется.

Однако позитивно настроенная мать на своем месте в этом мире – и база для адаптации детеныша заложена. А если она это место не нашла? И более того, не ищет и не собирается искать, а наоборот, перекидывает ответственность за свою жизнь на родившегося ребенка или детей?

«Как – что я тут, в этом мире делаю? Да у меня минуты нет свободной: я все время то в кружок его везу, то в школу, то из школы, то на лечебную физкультуру, то на массаж! А

прибраться, а приготовить? Не буду же я своего ребенка готовой едой или фастфудом кормить! Он у меня только свеженькое ест. А продукты ему я на рынке покупаю! А уроки мы делаем каждый день по четыре, по пять часов, в нашей гимназии иначе невозможно!»

Ради бога, ничего плохого нет в предыдущем абзаце. Так тоже можно жить. С одной только оговоркой: отдать себе отчет – ребенок (дети) тут вообще ни при чем. Это вы, **ВЫ ЛИЧНО ЭТО ВЫБРАЛИ**, решили вот так жить, вот так тратить свое время. Вы никому не посвящаете свою жизнь, вы просто так ею распорядились, вам так удобно, приятно, интересно, в конце концов. Или просто лень (не хочется, страшно) думать, стараться, искать и организовывать что-то более для вас интересное. При наличии и полном осознании этой оговорки – флаг в руки, барабан на шею. Жизнь не лучше и не хуже других прочих.

Кто-то другой (какая-то другая мать, например, артистка, или бизнес-леди, или фермерша, или научный сотрудник) выберет организовать свою жизнь с ребенком **АБСОЛЮТНО** иначе – и тоже будет права. Дети приходят в мир, совершенно не зная, что их там ожидает, и их диапазон приемлемости поистине колоссален. Единственное, что им надо, повторюсь, – видимая ими уверенность матери в том, что все, что происходит, стратегически правильно, и ее же осознанная ответственность: я так решила, зайчик мой, я живу вот так, и мне это нравится, а тебе придется к этому приспособиться. Они и приспособляются. К самым разным вариантам, легко и непринужденно, с поистине детской грацией и пластичностью (чем старше люди, тем сложнее им приспособливаться – это все знают).

Давайте рассмотрим частный случай. Вы не отправляете детей на дачу или в лагерь, едете на отдых только с ними, только всей семьей. Прекрасно, если именно так нравится отдыхать вам и вашей второй половинке. Вам нравится открывать детям мир, показывать чудеса природы, достопримечательности, жизнь других людей? У вас светятся глаза от счастья разделенности этих чудес, дети с удовольствием смотрят, задают вопросы, растут на глазах, а мелкие неурядицы типа поноса, потерянного чемодана и разбитых коленок вас (всю вашу семью) совершенно не обескураживают – потом вы вспоминаете обо всем этом с улыбкой... Отлично, вы все выбрали правильно! Но если такой семейный «отдых» выматывает вас до крайности, к концу его вы орете на детей и ссоритесь с мужем – что-то явно пошло не так. Вам постоянно хочется задержаться на этих развалинах или в этом храме, послушать экскурсовода, сделать красивое селфи для своего аккаунта в ФБ, а детям скучно, неинтересно, они хотят спать, есть, писать, компьютерную игру в планшете или хотя бы в телефоне, муж зевает и хочет пива, солнце печет, толпы китайских туристов постоянно заслоняют вид на достопримечательность, вас все раздражает... Может быть, вам следовало бы организовать свой собственный отдых как-нибудь по-другому? Может быть, вам было бы лучше на экскурсии в одиночку, мужу – на рыбалке с друзьями, а сыну – в приключенческом лагере или на даче у бабушки, с приятелями у костра? И не надо замусоривать себе мозги чужими идеями о том, что единственно правильно – «проводить как можно больше времени всей семьей». Для кого-то это действительно так и есть, а для кого-то – вовсе нет. И, возможно, для вашей семьи найдется какое-то другое гармоничное совместное времяпрепровождение, отличное от экскурсионного тура. И только вам (взрослым) это решать, причем решать осознанно, не ссылаясь на «благо детей».

Также надо все время помнить, что все ваши соображения «так будет лучше для моего ребенка» имеют прямое отношение только к вам лично и очень приблизительное (или вообще никакого) – к потребностям самого ребенка. Это не ребенку «нужно и полезно» четыре раза в неделю ездить в музыкальную школу – это вам хочется иметь ребенка, играющего на скрипке или фортепиано, или быть (слыть, выглядеть в своих глазах) «хорошей матерью», активно развивающей своего ребенка. Тысячи без толку загромождающих квартиры пианино ежегодно вывозят на свалки больших городов. В десятках тысяч квартир они все еще стоят. А какой процент взрослых людей, когда-то по воле родителей обучавшихся в музыкальной школе, еже-

дневно или хотя бы еженедельно подходят к инструменту и играют на нем для своего удовольствия? Два? Полпроцента? Одна десятая процента? То-то и оно.

Мне встречались клиенты, которые спрашивали у детей, хотят ли они братика или сестричку или согласны ли они, чтобы мама вышла замуж за дядю Колю.

Интересно, чем и о чем они думали, прежде чем задать такой вопрос. А вдруг он не захочет? И что? Вы откажетесь от вашего желания иметь еще одного ребенка? Пойдете и сделаете аборт? Не пойдете замуж за Колю, которого полюбили и который полюбил вас и сделал вам предложение?

Если в вашей голове уже есть положительное решение – разумеется, родите и пойдете замуж. А если сомневаетесь, опасаетесь и имеете какие-то свои взрослые резоны против – тогда, возможно, не родите и не пойдете. Но зачем вы спрашивали?! Зачем вызывать у ребенка иллюзии управления, провоцировать его на манипуляции и класть на него такую ответственность?

Что в итоге? Всем вроде бы известные вещи. Но то и дело забывают, увы.

– Как ты можешь так со мной поступать?! Я тебе всю жизнь отдала!

– А я тебя об этом просил?

В этой сценке абсолютно прав – ребенок. Никому (в том числе и вашим детям) не нужно, чтобы ему отдавали чью-то жизнь. Очень тяжело жить с таким грузом. Разумный родитель должен полноценно жить СВОЮ жизнь, никому ее не отдавая и постоянно осознавая, что он живет и поступает по СВОЕМУ выбору, так, как ЕМУ удобно. И тогда (и только тогда) его ребенок будет спокоен и комфортен.

Настоящая мать

Двое симпатичных детей – мальчик и девочка – фактически не давали нам с их матерью поговорить. Девочка лет четырех мило, но практически непрерывно щебетала, показывая матери мои разнообразные игрушки. Если мать откликалась недостаточно (по мнению девочки) активно, девочка залезала к ней на колени и совала игрушку прямо к ее физиономии. Щебетание при этом становилось на тон выше.

Мальчик лет шести-семи вел себя солиднее и интеллектуальнее. Он не конкурировал с сестрой за «доступ к телу», вообще не подходил к матери вплотную (но старался воздвигнуться между нами, точно на линии нашего с ней разговора) и задавал приблизительно тематические (темой служили игрушки, которые он держал в руках) вопросы. Тоже практически без промежутков.

– А у этого крана мощности хватит, чтобы вот эту машину поднять?

– А самолет на бензине летает?

– Это кольцо резиновое? А резину из дерева делают или из нефти?

Все вопросы четко артикулированы и проговорены до конца предложения. Все вместе похоже на отработку коверного номера «Посмотрите, какой развитый ребенок!». На меня мальчик почти не смотрел, но мне показалось, что он старается произвести впечатление именно на меня.

Мать имела интеллигентно-устало-несчастный вид и пыталась удовлетворить одновременно обоих детей и еще что-то сообщить мне.

– Вас это устраивает? – наконец спросила я у матери, выразительно обведя взглядом картинку.

– Не знаю... Нет...

– А почему вы тогда это не прекратите?

– Но я же должна... Они же не делают ничего плохого... Они увидели новые игрушки и просто спрашивают, показывают... Что в этом не так?

– Безусловно, ничего плохого. И все так. Но дети газообразны. Они, как и любая другая газообразная субстанция, занимают весь предоставленный им объем. – Мать бледно улыбнулась. – Вам надо просто определиться с удобным для вас объемом.

– Собственно, для этого я и пришла. Я что-то совсем запуталась.

– Ага! – кивнула я и хлопнула в ладоши, привлекая внимание детей. – Ребята! Сейчас я буду разговаривать с вашей мамой. В это время она не будет отвечать на ваши вопросы, играть с вами и вообще оказывать вам какое-нибудь внимание. Ваши возможности – играть с игрушками или не играть. Можно сидеть, стоять или лежать на полу. Если кому-то из вас захочется выразить свои отрицательные эмоции по поводу временного материнского невнимания, то здесь можно орать (это моя маленькая месть прививочному кабинету за стенкой – там иногда дети так орут, что мои бледнеют и под стол прячутся. – *К. М.*), падать на ковер и кидать большие пластмассовые кубики в предбаннике. Все ясно?

Мальчик завороченно кивнул, а девочка испуганно полезла к матери на колени. Щебетание не прекратилось и стало выше на два тона.

– Повторите для дочери, – предложила я. – Подтвердите инструкции.

– Ты пойди пока поиграй... Смотри, вон там кухня...

– Она вас не спрашивала, что ей делать. Скажите, что будете (и чего не будете) делать лично вы.

– Я сейчас буду разговаривать с доктором. Я не буду смотреть игрушки. Я не буду разговаривать с тобой, – слегка дрожащим голосом, но твердо сказала мать, спуская девочку на ковер.

Я показала матери большой палец. Девочка скорчила плаксивую гримаску.

– Орать и падать – можно, – напомнила я.

Девочка надулась и отошла к окну.

– Если я буду делать так, я все время буду чувствовать себя виноватой, – сказала мать.

– Объясните почему.

– Я совершенно осознанно родила Петю. Очень хотела ребенка. Готовилась к беременности, родам, много читала о развитии детей. И, когда он родился и я его в первый раз рассмотрела, с его ресничками, пальчиками, губками, изогнутыми как маленький лук, – меня просто захлестнуло новым, неизведанным счастьем. Мне было совершенно не в тягость возиться с ним, играть, развивать его, я как на крыльях летала, все успевала, все говорили, что мне безумно идет быть матерью, и я сама это чувствовала. Мы с ним вместе открывали мир, он постоянно менялся, и это было необыкновенно увлекательно, каждый день – шаг вперед, к сияющим горизонтам. У меня было ощущение, что моя, наша жизнь – прекрасная чаша, наполненная до краев чем-то вкусным и ароматным. Вас удивит, что я захотела еще одного ребенка?

– Нисколько не удивит. Кто бы не захотел на вашем-то месте!

– Я очень хотела девочку – чисто для разнообразия, – но готовила себя к тому, что может ведь и мальчик родиться. Но родилась Машенька – боже, какая она была красавица, когда первый раз мне улыбнулась! И Петя так ждал сестру – мы его готовили по вашим, кстати, рекомендациям (я их в инете прочитала): новая ступень, старший сын, «у него в кармане ножик, на груди горят значки», все такое, и он действительно очень радовался и гордился, и сейчас у них отношения хорошие, они редко ссорятся, она его уважает как старшего брата, а он к ней снисходителен как к младшей, все как там у вас и было написано.

Машенька оказалась совсем другая, Петя у нас интеллектual, ему все интересно: разобрать, собрать, объяснить, – а Машенька эмоциональна, ласкова, любит все красивое, танцевать, наряжаться. Мы наряжались и танцевали все вместе, играли в ролевые игры: магазин, стройка, волшебный лес – ее любимое. Мы с детьми столько всего слепили из пластилина, глины, теста, склеили, сделали картин из крупы, листьев, фольги, макарон...

– Достаточно, – сказала я. – Если меня заинтересует продолжение этого списка и этой темы, я всегда могу заглянуть на любой «мамский» сайт.

– Да, конечно... Они оба такие талантливые, креативные, замечательные, я видела, что сама многому у них учусь, мне такое сочетание цветов, материалов, такой вопрос просто в голову не пришел бы... И вот... – мать замолчала и бессильно опустила руки на колени.

– И вот однажды все кончилось, – предположила я.

– Откуда вы знаете?! – вскинулась женщина.

– Ну, потому что всегда все когда-нибудь кончается, – я пожала плечами.

– В какой-то момент я вдруг с ужасом поняла, что те занятия с детьми, которые еще недавно приносили мне почти экстатическую радость, оставляют меня равнодушной или – кошмар-кошмар! – вообще в тягость. Муж сказал: давай их в сад отдадим. Но дети же не сумки, чтоб их в камеру хранения сдавать, потому что я, видите ли, уже в них наигралась... Я подумала, что, может быть, действительно просто устала, отдала их в развивающую группу по Монтессори, сама пошла на фитнес. Но оно не вернулось. А они же помнят, привыкли и не понимают, почему я теперь... Я начала испытывать перед ними вину: ведь я их родила, значит, я должна... Но я понимаю, что чисто на «должна» ничего особо хорошего не выйдет. А ведь Петя идет в школу, а там – уроки, задания. Он очень способный и потому не привык трудиться. Я ужасно боюсь, что я начну заставлять, орать, как другие мамы. Скажите, как мне вернуть то чувство радости? Я все сделаю, что вы скажете!

– Никак. Материнский гормональный экстаз (кому достался; достается не всем, вам повезло) у высших приматов в лучшем случае длится около четырех лет. Потом – следующий этап жизни. В нем – свои радости и свои отношения с детенышами. А кто вы по профессии?

– Менеджер по персоналу. И я свою работу любила, увлекалась ей. Но когда дети родились, мне по-честному ничего другого не надо было. И... и мы не обезьяны! – в этом месте она гордо выпрямилась в кресле. – У нас есть ум (честь и совесть, подумала я), наши дети растут и обучаются долго, и мы можем, обязаны себя контролировать. И должны им дать... Наверняка есть методики...

– Может, и есть, просто я их не знаю, – примирительно сказала я.

* * *

Проблема, которую я описала выше, встречается достаточно часто, а обсуждать ее как будто стесняются. Но вопрос таких матерей, попавших в одну из «ловушек природы», представляется мне важным и, безусловно, достойным обсуждения: умилительная радость от детского щебетания, непрерывной лепки из теста и делания картин из макарон была, но закончилась. Что делать дальше?

Идти от детей. Дети ни в чем не виноваты. Нужно продолжать с ними заниматься, оказывать им то внимание, к которому они привыкли, по-прежнему уделять основное время и силы их развитию. В этом и есть обязанность матери, особенно той, которая подходит к своему материнству осознанно.

Идти от себя. Если закончился период экстатической радости, значит, сама жизнь подсказывает, что нужно делать что-то другое. Изменить ритм, распорядок жизни. Отдать ребенка в сад, выйти на работу, вернуться к каким-то прежним занятиям, контактам или приобрести новые.

Вероятно, истина, как всегда, лежит посередине.

Уйти нельзя остаться

Женщина истерила. Достаточно, впрочем, аккуратно, без перехлеста. Нос и глаза покраснели, слезы лились, пальцы хрустели, но макияж еще держался. Я переживала ее истерику, как переживают непогоду на улице, под козырьком присутственного здания.

Она чувствовала себя заложницей ситуации, мечтала вырваться на свободу. О том, что такое эта свобода и где она расположена, не имела ни малейшего представления.

Она ждала от меня решения; у меня решения, конечно же, не было.

– У меня больше нет сил! Так дольше не может продолжаться! – громко всхлипнула она и подняла на меня взгляд, ожидая положенного кивка (как все женщины, склонные к истерии, она любила и умела играть в команде).

– Да нет, что вы, – возразила я. – Вполне может. И даже, скорее всего, продолжится.

– Что вы такое говорите?!

– Ровно то, что думаю.

* * *

Обычное детство с обычными радостями и печалью. До школы и в первых классах любила рисовать цветы и принцесс. Отдали в художественную школу, оказалось академически-скучновато – не прижилась. Потом – никаких особых увлечений, если не считать постоянно меняющихся кумиров: музыкантов, певцов, актеров. Родители честно пытались «развивать» – водили в музеи, театры, на выставки. Она всему предпочитала болтовню с подружками и прогулки по магазинам. В подростковом возрасте иногда ни с того ни с сего начинала горько плакать. На вопрос: что случилось? почему ты плачешь? – отвечала зло: отстаньте, нипочему! В школе училась ровно – «три» – «четыре» по основным предметам, по дополнительным бывали и пятерки. Дисциплину соблюдала, строгих учителей боялась, родителей старалась не огорчать.

К шестнадцати годам семья заволновалась: а что она будет делать после школы? На семейном совете решили: поскольку никаких явных склонностей на горизонте нет, менеджер на соответствующем факультете экономического института – это будет самое то.

Честно отучилась пять лет, но так и не сумела мне объяснить, что это за образование такое. Работала в одной фирме, потом в другой. Сначала – практически секретарем, потом стала сама оформлять сделки, вести документацию. Коллектив ей нравился, она коллективу – тоже. Больше всего любила на работе перерывы – «собраться и поболтать с девочками». Будущий муж работал во второй фирме старшим менеджером. Compliment, которым он потом поделился с ее родителями, – «удивительная, совершенно не испорченная девушка».

Он сразу хотел именно жениться. Все говорили: тебе повезло. Она не знала, что и думать, и на всякий случай думала то, что все говорили.

Он был ее первым мужчиной.

Она родила почти подряд (с разницей в полтора года) двух детей – мальчика и девочку. Подружки умилялись, восхищались и завидовали. Это было приятно. Ей нравилось одевать детей и оборудовать детскую. Еще она любила цветы и красиво выращивала их на подоконниках.

Когда дети чуть подросли, ей стало скучно. Подружки повыходили замуж или просто тоже кого-нибудь родили. Она все это уже проходила. Муж сказал: если хочешь работать – иди, найдем няню. Она вспомнила сделки и бумажки в своей последней конторе и отрицательно помотала головой. Потом она открыла для себя интернет. Там было общение, свежий ветер новых миров. Но там же ей в первый раз и сказали: ты всегда все делаешь, как тебе

говорят. Учителя, родители, начальники, теперь – муж. А где же твоя собственная личность? Она задумалась: и в самом деле, где она? Личности обнаружить не удалось, зато в интернете весьма кстати нашлись тренинги личностного роста. Она сходила на один, потом на другой и сделала очень много тревожащих открытий. Оказывается, она не прошла сепарацию от родителей. Оказывается, она не любит собственного мужа, а просто к нему привыкла. А он ее использует: семейный дом для него – просто удобная и сравнительно недорогая гостиница с едой, полным обслуживанием, сексуальными услугами, да еще в комплект входит и удовлетворение инстинкта продолжения рода. И самое страшное: детей она тоже, кажется, не любит, потому что не может принять их «как они есть» (последний по времени тренинг был про детско-родительские отношения) и пытается переложить на них свои проблемы. Обнаружив такой свой личностный крах по всем линиям, она запаниковала, стала срываться на детей и на мужа. Муж флегматично посоветовал ей взять себя в руки или лечиться таблетками.

Она поняла, что надо срочно бежать, спастись, иначе она так никогда личностью и не станет и все настоящие радости жизни пройдут мимо нее. На очередном тренинге (кажется, «Открой в себе Настоящую Женщину») ее горячо поддержала вся группа.

Она задумалась о разводе и поделилась своими мыслями с подружками и родителями. Все они дружно пришли в ужас и велели ей «не нести ерунды», «подумать о детях» и «открыть наконец глаза на реальность этого мира». Она уверилась в том, что все ее близкие против того, чтобы она становилась личностью.

Девочка начала грызть ногти. Мальчик (старший дошкольник) снова начал писаться по ночам. На консультационном сайте известный психолог написал ей, что во всем виновата ее нерешительность: она не может, не осмеливается проявиться, сделать шаг к себе, а дети страдают. Она не любит своего мужа, это очевидно, – значит, его надо бросать. Мы живем не в эпоху «Домостроя». На очных или скайповых платных консультациях психолог готов был все рассказать подробнее.

Она уложила детей, выпила полбутылки кофейного ликера и, когда муж пришел домой с позднего совещания, сообщила ему, что хочет развода, потому что больше не может всего этого выносить. Он затащил ее в ванну, заставил принять душ, а потом уложил спать. Сам лег на диване в гостиной. Утром ей было очень гадко и стыдно и хотелось послать кого-нибудь матом (при том что она никогда, даже в подростkovости, не употребляла обценной лексики) – то ли мужа, то ли того психолога, то ли себя. Впрочем, мужа уже не было – он ушел на работу.

* * *

Постепенно всхлипывания затихли.

– Если вы за личностью пришли, то это не ко мне! – решительно сказала я.

– А к кому же?

– Ну... Не знаю... Может, к психоаналитикам?

– А мне это поможет?

– Думаю, нет.

– Но почему?

– Ну сами подумайте: зачем вам личность от психоаналитика?

– А как же тогда?

– Неправильно сформулирован вопрос.

– А как правильно?

– Правильно так: что же это такое? (Все это время я прилежно удерживаюсь от улыбки, сохраняя полную серьезность.)

– Да, да! Что же это такое?

– Иногда это называют кризисом тридцатилетия. Как это называется у Эрика Эриксона – сейчас не вспомню, простите. Но у вас это еще осложнено тем, что не пройдена пара предыдущих кризисов.

– А что это значит?

– Это значит, что потребность в расширении (расширении, а не сломе!) границ личного мира абсолютно нормальна для человека в вашем возрасте и положении. «Это что же, теперь всегда так будет?! Я категорически не согласен! Надо добавить что-то еще!»

– То есть со мной все нормально?!

– Безусловно. Вы ведь всегда были хрестоматийны, с детства по всем показателям попадали едва ли не в середину кривой нормального распределения. Вот и кризис тридцатилетия настиг вас практически сразу за юбилеем. Но вот что еще сыграло: за всеми важными ответами в своей жизни вы привыкли обращаться куда угодно, только не к себе самой...

– Это потому что у меня нет личности... – снова опечалилась она.

– Да ради бога! Вот эта самая ваша отсутствующая личность как раз и привыкла... И, пока развитие автоматически шло на подъем, среда все время отвечала слаженным хором: надо кушать, надо учиться, надо работать, надо замуж, надо детей... А вот теперь мнения разделились, потому что, знаете ли, в вашем возрасте уже «кто любит офицеров, а кто – свиной хрящик». И вот эта-то вдруг зазвучавшая разногласица мигом и выбила вас из наезженной колеи. Что, в общем-то, не так уж и плохо...

– То есть я, может быть, все-таки люблю своих детей? – она с надеждой подняла на меня покрасневшие глаза.

– Совершенно не исключено, – я наконец позволила себе улыбнуться. – Более того, может быть, вы даже и мужа любите. Вы так про него рассказывали, что он мне с ваших слов понравился, а это, знаете ли, обнадеживающий в прогностическом смысле признак...

– И что же мне теперь делать?

– Опять ждете, что за вас решат?

– Нет, нет... Вы... Ну вы хоть направление наметьте, куда мне думать. Если не с мужем разводиться и не личность искать...

– Вам нужно по своему вкусу выбрать дополнительный кусок мира, который вы хотите сожрать, раскрыть рот пошире и изо всех сил попытаться его откусить и прожевать. Если получится – решение кризиса у вас в кармане. Если не получится – попробуйте еще раз, с чем-нибудь другим. И еще...

– Я бы хотела... я бы хотела дизайнером... хотя бы для себя...

– Отличное дело.

– Вы думаете...?

– Я ничего не думаю! Я, в отличие от вас, ни черта не понимаю в дизайне! – притворно рассердилась я.

– Да, да, поняла. Сама, сама, сама. Ухожу, ухожу, ухожу...

– Именно. Ну вот какая умница!

* * *

Таких штук в жизни человека (в возрастной психологии) не одна и не две, но при том их – вполне ограниченное количество. И как же полезно все их знать заранее! Я бы ввела все это как обязательный курс для старших классов школы или в каждую училищную и институтскую программу. Так ведь нет! Многим сегодня преподают какой-то безумный курс «общей психологии». Недавно я пыталась найти хоть какие-нибудь его следы в головах своих студентов. Ничего! И когда я, отчаявшись, спросила: «Ну что-то же все-таки у вас от него осталось?» – девушка с первой парты, честно глядя мне в глаза, ответила: «Тетрадка в 96 листов». Вот так.

Что со мной не так?

Эта история в какой-то степени – в пандан к предыдущей. Тоже про потерянную личность, и тот же возрастной период, и те же задачи расширения. Только другой конец отрезка.

– Я не люблю своего ребенка.

– Что ж, бывает, – я пожала плечами. – Причем чаще, чем принято думать.

Женщина выглядела очень ухоженной и очень социальной. Вряд ли ребенку непосредственно что-то угрожало.

– А сколько ему лет?

– Шесть с половиной.

– Хороший возраст.

– Я к вам записалась, якобы чтобы поговорить, в какую школу его отдавать и всякое такое. Но только это вранье.

– Отлично, что вы это понимаете.

– Вам что, все будет нравиться, что бы я ни сказала?! – она чуть повысила голос.

– Ну откуда же я знаю, что вы еще скажете... – примирительно заметила я.

Она помолчала, чуть раздувая крылья красиво вылепленного носа и явно беря себя в руки.

– Я так понимаю, что помощь нужна мне самой.

– Вполне возможно. Может быть, вы расскажете, что вас тревожит?

– Что-то не склеивается, – подумав, сообщила мне клиентка.

– О, это практически всегда так! – подбодрила я ее. – А можно конкретней?

Имя – Марианна. Выросла в приличной, образованной, амбициозной семье. Поступила в хорошую гимназию, вопрос об успеваемости никогда не стоял. Занималась музыкой, художественной гимнастикой. Отец с матерью развелись, когда ей было двенадцать, через некоторое время (не скоро, Марианна была уже практически взрослой) у обоих сложился второй брак. Есть младший брат (по матери) и сестра (по отцу). С братом и сестрой большая разница в возрасте, отношений практически никаких. С отцом после развода всегда поддерживала связь, он имел на нее влияние.

– Главное – это не быть в стаде, – говорил отец. – Ты отдельна и уникальна, помни об этом. Тебе многое дано. Уважай сама себя, достигай успеха, и тогда и только тогда тебя будут уважать другие.

Марианна, в общем-то, и сама так думала и старалась соответствовать: стремилась, достигала, ценила свои успехи. В гимназии ее окружали дети и подростки со сходной жизненной позицией, вечно занятые в кружках и уроками, поэтому приятелей у нее всегда было много, а близких друзей – практически не было. Дружба требует сил, времени, терпения, компромиссов. Чего-то из этого набора не было в наличии, что-то – не очень хотелось тратить. Почему я должна?

Мама научила Марианну следить за собой, купила ей первый абонемент в фитнес-клуб.

– От того, как ты выглядишь, какая у тебя фигура, кожа, здоровье, насколько со вкусом ты одета, зависит отнюдь не только первое впечатление, – объясняла она дочери. – То, как ты себя чувствуешь, напрямую отражается на том, как ты подаешь себя миру и как он принимает тебя. Сразу показывает тот уровень, на который ты претендуешь.

Марианна хорошо понимала справедливость всего этого и тщательно подбирала гардероб, косметику, средства ухода за телом и лицом. Делала гимнастику, ходила в бассейн. Выглядела всегда хорошо. Умела улыбаться «американской» улыбкой.

– Еще в академии мне в первый раз показалось, что здесь что-то не так, – заметила Марианна. – Я училась на самом престижном факультете, была на хорошем счету, считалась краси-

вой и успешной, у меня была компания, какие-то романы, мы компанией весело проводили время, ходили в клубы, посещали выставки, кинопоказы... Но в какой-то момент весь мир как будто заволокло некой пленкой. И стало трудно дышать. Мама отвела меня к врачу, он прописал таблетки. И они, наверное, помогли. Где-то через два месяца все стало намного лучше, мир опять обрел краски.

Уже на последнем курсе академии Марианну пригласили на хорошую, престижную работу в городской администрации. Она успешно прошла стажировку, получила место и очень приличную для юной девушки зарплату. Нравы в конторе были весьма суровые, подковерная борьба вокруг кормушки шла с неослабевающей интенсивностью, но девушка справлялась и всегда держала голову высоко, а нос по ветру. Карьерный рост имел место быть. Сверстники завидовали. Папа и мама, несомненно, были тактически правы: на работе Марианну уважали, и ее претензии были для всех очевидны.

Шли годы. Марианна купила квартиру, обставила ее. Выходные, праздники и отпуска проходили отнюдь не в одиночестве, но были как-то подозрительно похожи одни на другие.

– Я ходила на работу, в зал, к косметологу, ездила за границу, следила за модой, диетой и стулом... Иногда чувствовала себя цирковой лошадкой с плюмажем на голове, бегущей по арене. Иногда мне хотелось выть. В моем кругу не принято было о таком говорить, но однажды, будучи нетрезвой, я заикнулась... Мне тут же посоветовали психоаналитика. Он работал с моей личностью. Сначала было интересно, а потом мне показалось, что это все фигня, которая никуда не ведет, и он просто тянет с меня деньги. Я перестала к нему ходить. Мама сказала: тебе надо замуж. Тут выяснилось, что, хотя ухажеры и романы у меня всегда были в достатке, жениться на мне как-то никто особо не рвется. «Ты слишком самодостаточная», – сказал один из моих приятелей. И я подумала, что это правда. Мы все были самодостаточные личности, нас такими воспитывали семья и школа. Зачем мне еще кто-то, кроме меня? Но я уже поставила задачу и все-таки вышла замуж. Мы прожили около года и разбежались, в общем-то, оставшись в хороших отношениях. «Надо приспособливаться», – учила меня мама весь этот год. Это было новостью, и я так и не поняла, зачем мне это делать. «Ребенок все изменит!» – сказала мама. Так не только она, так многие говорили.

И я родила сына. Теперь я следила за его диетой и за его стулом. Не сказала б, чтобы что-то для меня изменилось в лучшую сторону. Однажды, когда ему было месяцев десять-одиннадцать, я просто вышла из дома и пошла куда глаза глядят. Через какое-то время пришла в себя, спохватилась, прибежала обратно. Сын спокойно спал, но ведь что угодно с ним могло случиться! Я снова пошла к врачу, он опять прописал таблетки. Но они уже не помогли, увы.

С тех пор я живу, работаю, ухаживаю за сыном, вожу его в кружки, занимаюсь с ним, делаю все остальное. Но я как будто пустая оболочка. Мои мама и отчим очень любят внука – я стараюсь почаще возить его туда, испытываю облегчение, когда его им «сдаю», думаю: вот сейчас наконец начнется... Но ничего не начинается. Я просто сижу перед компьютером или телевизором или иду с приятельницей в кафе... Недавно сын неожиданно спросил меня: «Мама, а зачем ты меня родила?» И я на автомате ответила честно: «Не знаю». Потом мне стало так стыдно, что просто хотелось провалиться сквозь землю или умереть!

Скажите, что со мной не так? Почему я не могу любить сына? Или хоть кого-нибудь?! Я урод? Это какой-то синдром?

Она не заплакала в прямом смысле этого слова. Есть такое понятие – «сухие рыдания». Жутковатое зрелище, кто видел – согласится. Мне было ее очень жалко.

– Вы не урод, – тихо сказала я. – Вам просто нечем любить. Любовь – это симфония. А у вас инструмент не настроен.

– Какой инструмент? – удивилась она. Сухие глаза лихорадочно блестели.

– Ну, можно для простоты обозвать его личностью, – предложила я. – Вам же все вокруг про нее твердили, а хоть кто-то сказал, что она такое и как устроена?

- Нет, – подумав, признала Марианна. – Никто не говорил.
- А это и есть тот инструмент, посредством которого мы связаны с человеческим миром, вписаны в него, играем свою партию в оркестре. У вас он почти не функционирует.
- Но я же общаюсь! – возразила она.
- Вам нравится? – отпарировала я.
- Нет, – признала она и вспомнила: – На самом деле психоаналитик тоже что-то такое мне говорил... Но где же мне теперь ее взять?
- Взять – негде. Ни магазинов, ни даже проката личностей не существует, – улыбнулась я. – Придется построить.
- Но как?
- Шаг бай шаг, шаг за шагом. Вам придется собрать себя, как дети собирают машинку из деталей конструктора или строят дом из кубиков. На каждом шаге вы должны опознавать в собранной конструкции Марианну, то есть себя, а не кого-то другого. Если не опознаёте – делайте шаг назад и начинайте искать по новой.

* * *

Я обычно не делаю таких вещей (не мой тип практики, но к Марианне я отчего-то прониклась симпатией), и это оказалось безумно трудно. Она все время себя теряла. На выстраивание, осознание и принятие в себя простой фразы типа «я люблю постапокалиптические фильмы, помидоры и круглые вязаные коврики» у Марианны уходило около недели.

Зато практически сразу (вместе, параллельно с нею самой) стал проявляться мир – с красками, с эмоциями. Она воспринимала это почти как чудо:

- Вау! Представляете, я люблю смотреть открытки с котятами!
- Ну кто ж их не любит, – усмехалась я.
- Оказывается, я терпеть не могу свою контору!
- Составляйте резюме. Видимо, скоро понадобится...
- Я боюсь закатов. Мне кажется, оно потом не взойдет!
- Взойдет, взойдет... А пока попробуйте присмотреться к рассветам.
- Мне так жалко мою сослуживицу! Она ухаживает за тяжело больной мамой, а муж ревнует и угрожает уйти...
- Вот козел-то!
- У моего сына две макушки, и они по-разному пахнут!
- Кажется, две макушки – это счастливая примета...

* * *

Все-таки личность – полезная и приятная вещь. Всем, кто еще не обзавелся, – рекомендую.

Тарелка с эмоциями

– Вот скажите, пожалуйста, вам ботокс нравится? Как вы к нему относитесь?

– Что-о-о? – я вытаращила глаза. Моей посетительнице Любе на вид было лет четырнадцать-пятнадцать. Она была очень мила: большие глаза, вьющиеся темно-каштановые волосы, высокий лоб. Какой ботокс?! Зачем?!

– Категорически отрицательно! – твердо сказала я.

– Ага. Я, в общем-то, вижу, – кивнула Люба. – У вас лицо живое.

У самой лицо серьезное, умное, чуть-чуть намек на улыбку; чем-то похожа на курсистку с портрета Ярошенко.

Я перестала понимать, что происходит, и решила предоставить ситуации развиваться самостоятельно. Расскажет же она мне, в конце концов, в чем, собственно, дело.

– Еще я с детства очень люблю читать, – сообщила мне Люба.

– А сколько тебе сейчас-то лет? – не выдержала я.

– Исполнилось пятнадцать. Я разные жанры читаю: по истории люблю, фэнтези немного, очень люблю классику – нашу, английскую, французскую. Последнее время читала мемуары.

Очень хорошо. Если она хотела произвести на меня впечатление – произвела. Можно двигаться дальше. Люба как будто услышала мои мысли.

– У меня полная семья. Мама, папа, бабушка, мой старший брат (ему 21 год, он учится в институте), и еще с нами живет папина сестра, у нее своей семьи не сложилось, но она помогала нас с братом растить, много с нами занималась и сейчас мне помогает, по математике и английскому, и даже брату – проекты по английскому делать. Мы все ее очень любим. И мы обеспеченная семья. Все работают, даже бабушка, и Владик у папы подрабатывает. А у папы своя фирма.

Я с удовольствием все это выслушала. Приятно знать, что у кого-то в большой семье все хорошо и ладно скроено. Это повышает базовое доверие к миру. Но при чем тут ботокс?

– Я на самом деле у вас уже однажды была – с мамой, когда я в детский сад отказывалась ходить. И еще потом – мама с братом, когда он в десятом классе по крышам лазал, но я тогда в коридоре сидела. Вы, наверное, не помните... – Я кивнула в знак согласия: не помню. – А еще я ваши рассказы в «Снобе» читаю. И вот теперь я пришла с вами посоветоваться: это мне про мир и про себя кажется, или оно на самом деле?

Я тут же снова насторожилась. Это смотря что ей в ее пятнадцать лет «кажется». Скорее всего, нормальная подростковая ерунда: красива я или некрасива, любит – не любит, все ли в мире придурки, почему же меня никто не понимает и прочее в таком духе. Но никак нельзя упускать из виду и другие, драматические вероятности.

– И что же конкретно тебе кажется?

– Я уже давно, когда читала романы, книги про XIX век, удивлялась. Но тогда я думала: они все врут немного, преувеличивают... Для большей красоты и понятности – наверное, так можно сказать. А теперь я немного мемуаров из того времени почитала и даже из XX века – и уже сомневаюсь...

Решила ждать, пока она сама скажет. Жди! – мысленно приказала я себе, все еще ничего не понимая. Не торопи ребенка, подросткам трудно формулировать свои мысли, особенно сложные, и у взрослых всегда есть соблазн доформулировать, переформулировать за них. А у них, в свою очередь, есть соблазн ухватиться за лучше сформулированную, но чужую мысль, присвоить себе предлагаемое. И как же в таких обстоятельствах научиться внятно и последовательно мыслить самому?

– Раньше мне казалось, что они по-другому проявляли свои чувства, а теперь мне уже кажется, что они и на самом деле чувствовали по-другому. Не так, как мы. Прочтите... ну вот

любой практически роман. Они же там то и дело все бледнеют, краснеют, падают в обмороки, шатаются, хватаются руками за всякие предметы, чтобы устоять на ногах, рыдают от радости, скрежещут зубами от злости... Скажите, вот вы когда-нибудь в обмороки падали?

– Ага, – припомнила я. – Два раза. Один раз – не твое дело почему, а второй раз – грибами отравилась.

– Ну вот. А все мои родные и знакомые и я сама – ни разу.

– Так тебя это расстраивает, что ли? – уточнила я. – Хотелось бы, чтоб падали?

– Да не в этом дело! Мне кажется, наши чувства, эмоции сегодня – они другие, чем были тогда. Мы меньше, слабее расстраиваемся, меньше радуемся, меньше вообще... не знаю, как правильно сказать... Переживаем – вот правильное слово!

Я даже в ладоши хлопнула от удовольствия, приветствуя одновременно и ее, и себя. Именно это слово я хотела ей подсказать – и удержалась-таки, не подсказала. И она сама его нашла!

– Оно – как есть из глубокой или мелкой тарелки... – литературная Люба позвала на помощь метафоры.

– Да! – мне казалось, что теперь наконец я ее поняла. – Скорее всего, твое наблюдение действительно имеет отношение к реальности. И этому есть объяснение. По сравнению с нашими предками у нас очень много всего: людей вокруг, вещей, информации, событий. И все это обширное поле надо как-то пережить, отреагировать на него эмоционально. Поэтому эмоции получаются широкие и мелковатые, если считать, как ты предлагаешь, в тарелках.

– Это грустно, – сказала Люба, глядя на носки своих туфель-лодочек. – Если нам никогда ничего вот так, как там описано, не почувствовать. Не пережить.

– За все надо платить. Наша жизнь намного удобнее в бытовом смысле и намного свободнее, чем у наших предков, у каждого из нас на порядок больше возможностей – это ты понимаешь?

– Да, понимаю, – кивнула девочка и тут же вскинула взгляд. – То есть чем меньше возможностей, тем больше мы уходим вглубь эмоций?

Я заколебалась, не зная, что ответить.

– Крестовые походы? Теремные барышни? «Унесенные ветром»? Индийские фильмы? Террористы-смертники?

Я молчала, судорожно пытаюсь уследить за скачками ее мыслей. В общем-то, логика в них явно сохранялась. При лишенности, жесткой ограниченности возможностей, информации, ресурсов, даже пространства эмоции цветут пышным цветом, компенсируя, модифицируя практически всё. Иногда – достраивая, а иногда – попросту подменяя собой реальность.

– Из моих подруг никто еще даже не влюблялся по-настоящему. Одна прямо так и спросила: а зачем? И многим ничего не хочется. А правда, что сейчас эпидемия аутизма и болезни Альцгеймера? Я слышала, мама с тетей обсуждали... Если всё, в общем-то, есть, а чувства – в очень мелкой тарелке... А я могу вообще выбирать? Может быть, надо искусственно что-то ограничить? Но что, и как это сделать?.. Вы хотите у меня что-то спросить?

– Очень хочу, – честно призналась я. – А ботокс какое ко всему этому имеет отношение?

– Ботокс? А, сейчас объясню. Мама, тетя, их подруги. Я их всю жизнь знаю. Теперь они ходят к косметологам и делают всякое, чтобы казаться моложе, чтобы морщин не было и всякое такое. И оно помогает, да. И вот я сейчас вижу очень отчетливо: они все (прямо как в ужастике, честно!) теряют постепенно свои лица, свою мимику, становятся... неизвестно кем. Я почти перестала свою маму узнавать: я раньше знала, как она хмурится, злится, удивляется, улыбается, хохочет, у нее так лицо все в складочки собиралось – просто нельзя было вместе с ней не рассмеяться, я, даже когда злилась, удержаться не могла, и папа тоже, а теперь ничего этого просто нет... Я брата спросила: ты видишь? Он сказал: забей, это сейчас просто модно – казаться молодыми, что же нашей матери, в морщинах ходить, если ни у кого вокруг нее их нет?

Я бабушку спросила: а ты? Ты не хочешь выглядеть моложе? Бабушка сказала: «Я пас! Человек рождается с тем лицом, что от природы досталось, но потом-то свою историю на нем сам пишет. Вот она-то людям и ему самому в зеркале и видна. Если достойно прожил-написал, так оно и отобразится, и отказываться от нее не захочется. А кто стер (оно ж необратимо) – поди догадайся, что там под ластиком было? Зачем жил? Как? Я вот ни от чего, что прожила-написала, по своей воле не откажусь. А другие – как сами захотят, кому-то, может, и стереть охота, чего ж...»

А я тогда вот что подумала: бабушка и взгляды ее – они уже устарели, и оно теперь, наоборот, закономерно и правильно. Если эмоций все меньше и они в мелкой тарелке, так зачем же лицо, которое их выражает? Можно сделать как у куклы: красиво и всё такое...

Тут уж я совсем растерялась:

– Зайчик, а чего же ты от меня-то хочешь? Я в обмороки не падаю, ботоксом не пользуюсь...

– Я спросить пришла, – жалобно глядя, сказала Люба. – Может, оно все и не так вовсе? Может, оно как-то по-другому? Но только ведь я и сама такая: мне никого особо не жалко, я ни из-за чего особо не переживаю и не радуюсь сильно ничему. Я вот недавно прочитала, у Лескова, кажется, как мальчику пряник с ярмарки привезли и как он этому радовался, аж дух захватывало. Так я даже заплакала, потому что ничего за всю свою жизнь не могу вспомнить, чтоб я вот так обрадовалась. И можно ли это как-нибудь... вернуть? Развить? Не знаю...

– Я тоже не знаю, – честно призналась я.

И вот я спрашиваю у вас, уважаемые читатели: эволюционирует ли, на ваш взгляд, наша эмоциональность ан масс? И если да, то как она эволюционирует? Действительно ли люди из классической литературы прошлого чувствовали по-другому? Или они лишь по-другому проявляли свои чувства (а чувствовали точно так же)? Или все это («услышал он, зашатался, схватил себя руками за горло, да и упал без чувств») – лишь литературное преувеличение и мы в эмоциональном плане ничем от наших (недавних, в общем-то) предков не отличаемся?

Разговор о смерти

– Скажите, вы психолог, специалист?

– Ну да, в некотором роде, – несколько удивилась я. А кого еще она ожидала увидеть, записавшись к психологу по телефону и в назначенный час постучавшись в кабинет с соответствующей надписью?

– Очень хорошо. Вы специалист. Тогда поговорите, пожалуйста, вот с ней о смерти. Я заплачу сколько надо, – говоря это, дама указывала длинным, накладным и причудливо раскрашенным ногтем на бледненькую, миловидную девочку лет двенадцати.

Самым поразительным в представившейся мне сцене была даже не тема грядущего разговора, а выражение лица дамы. Я бы определила его как брезгливое.

Но я могла ошибаться. Кроме того, человеческая эмоциональность – сложная штука, и у людей бывает парадоксальная реакция на горе (некоторые, например, начинают смеяться). Поэтому на всякий случай я придала своей физиономии сочувствующее выражение и спросила:

– У вас что-то произошло в семье?

– Нет! Тьфу-тьфу-тьфу! – отчетливо сказала дама и, сделав три энергичных шага вперед, громко постучала по полке с игрушками.

– Тогда присаживайтесь. Вам придется поподробнее рассказать о причине вашего ко мне обращения.

– Да нет никакой причины, я же вам и говорю! – раздраженно воскликнула дама, картинно и очень рассчитанно по движениям (фитнес три раза в неделю, не иначе) падая в кресло. Девочка молча и аккуратно присела на стул. – Вот прямо с бухты-барахты всё и началось. Нипочему. «Мама, давай поговорим о смерти». – «Боже, что случилось?! Ты плохо себя чувствуешь? Что-то болит?» – «Нет. Ничего не болит. Просто давай поговорим». – «Как это «просто поговорим»? У тебя умер кто-то из знакомых? Родители, родственники подруг? Чья-то собака?» – «Нет, ничего такого. Я просто хочу поговорить». – «Ну ладно, разговаривай». – «А вот как это: человек вот есть, есть, думает, чувствует, мечтает о чем-то, а потом раз – и его нет? Совсем нет? Как это может быть? Куда же все делось?» Вот вы бы что на такое сказали? Я начала ей про разные системы говорить, про христианство, колесо сансары, все такое. Бесмертная душа, перерождения... Но ей это как будто неинтересно. То есть она все внимательно выслушивает, а потом опять: ну это всё где-то, и никто про это ничего не знает и не помнит, а вот здесь, у нас, – как это? Был – и сразу нету? Я ей говорю: всё, я исчерпалась, сказала всё, что знала, больше ничего сказать не могу, просто не знаю. Можешь еще в книжках почитать или в интернете. Разрешаю тебе дополнительных два часа прямо вот на эту тему. Она у нас в музыкальной школе шестой год занимается и еще английский дополнительный два раза в неделю и испанский один, да еще уроки в гимназии, лишнего времени в компьютер пялиться, сами понимаете, нету, но тут уж я готова была... Она говорит: я читала в интернете, там непонятно. И вот так мы живем, не поверите, уже полгода. Как-то оно затихает вроде, а потом вдруг опять, с новой силой, и ничего нового, так сказать, на старые дрожжи. Я уже просто сатанею. Мама, Сониная бабушка, говорит, что «это неспроста, посмотри, какая она бледненькая да худая» и надо ее по всем врачам обследовать. Я как об этом подумаю, так мне дурно делается – и в финансовом, и во временном смысле. Сами понимаете, у нас же нет ничего конкретного, так что уж ваши коммерческие коллеги в анализах и обследованиях ничем себя ограничивать не будут. Но не идти же нам с этим в нашу районную поликлинику! И вообще: с какого перепугу искать болезни у здорового ребенка?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.